

СЕСТРА

Публикация в рамках совместного проекта журнала с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ДАРЬЯ БУРАВЛЁВА
Родилась и живет в Саратове. Окончила СГУ имени Чернышевского (специальность — педагог-психолог). В одиннадцатом классе писала статьи для детского

приложения местной газеты. Участвовала в нескольких мастерских АСПИР. Есть публикации в журналах «Бельские просторы» и «Дружба народов».

Родственники знакомятся на похоронах. Нет, Ольга давно знала, что, кроме младшей Катьки, была еще и сводная сестра Ксения. Все всегда так и звали ее важно — Ксения. Но важно было другое: она была старшей. И об этом Ольга узнала на похоронах дяди Юры. Нет, Ольга знала, что Ксения родилась лет на пятнадцать раньше, в ту пору, когда у отца была другая жена, а маму он еще не встретил. Знала и хранила с детства в альбоме фото улыбающейся большеглазой девочки с косичками, сводной сестры. (Раз сестра — значит, должна быть в альбоме, значит, ее тоже нужно любить, как и остальных родственников.) И вот это вот слово «сводная», незнакомое тогда, тягучее, затмило другое. Старшая.

Ольга мечтала о старшей сестре лет с тринадцати. Чтобы она, а не Ольга, в школе помогала Катьке писать сочинения, а потом в универе решала задачи по высшей математике, дописывала Катьке диплом. Она, а не Ольга, выслушивала бы очередную историю Катькиной неудачной любви, вытаскивала ее из непонятных прокуренных квартир, помогала деньгами, когда подходила выплата нового кредита. А может, она бы этого и не делала. Неважно. Ольга бы тогда жила по-другому. Может, и ребенка, о котором так мечтает Егор, родила. Но — нет.

Старшая сестра — это опора, пример, это свобода. Свобода для младших делать то, что им за-

хочется, а потом приходить за утешением и советом, за заслуженными упреками и всегда знать, что старшая поможет. Для самой старшей старшинство равнялось путам на всю жизнь. Ольга отчаянно мечтала быть средней. Средняя за младшую тоже в ответе, но не так. Она может сказать: «Я пошла!» — и быть спокойной. Старшая присмотрит. Да и родители так не опекают, как младшую.

Когда на похоронах дяди Юры какая-то родственница или знакомая спросила отца: «Это твоя старшая?», Ольга, стоявшая рядом, машинально кивнула, а отец поспешил поправить: «Нет, средняя». Средняя!

Пока Ольга осознала, к ней подошла одна из многочисленных теток:

— А Катька-то явится?

— Конечно! — Ольга приготовилась к обычным вопросам: как у нее там с работой, где теперь живет, и т. д. и т. п.

А тетка вдруг схватила за локоть и зашептала на ухо:

— Бедовая она у вас! Говорю тебе, прокляли ее, потому и с мужиками, и с деньгами такая засада.

— Кто? — Ольга сложила руки на груди, слегка отстранилась, свела брови.

Терпеть не могла таких тем, но знала — пока тетка не выговорится, остановить не получится.

– Да мало ли завистников, она ж вон красавица какая. – И заговорила еще тише, еще быстрее: – Я так думаю, всю семью прокляли, не только Катьку, оттого у тебя и детей до сих пор нет. Я тебе бабушку одну посоветую, подскажет, какой ритуал...

– Погоди, тетя Маш. – Ольга высвободилась. – Ну, не до того сейчас.

– Ох, да! – Тетка обняла Ольгу. – Какие Юрка с отцом твоим дружные росли! Дай бог, вам с Катькой такой дружбы. Ну, беги, может, там помочь чего надо.

Катя – то, Катя – се! Не помочь ли чем-нибудь Кате? Надоело! Ольга вроде радио с новостями. Как там у Кати с новым женихом и скоро ли отдаст кредит? Как, опять уволили? Беда! Хорошо, что у Кати есть такая умная и заботливая старшая сестра и терпеливые родители! Правда, проклятые, но это поправимо. Ольга зло толкнула дверь в ванную и чуть не сшибла Ксению, которая оттуда выходила.

– Ой, извини.

– Ничего-ничего, проходи, Оль.

Ксения улыбнулась мягко, тепло. Она вся была какая-то мягкая: темно-синяя шерстяная юбка, серый мохеровый свитер, длинная коса. Не то что угловатая Катька или сухая, подтянутая Ольга (руки вечно как наждачка, нос острый, ноги длинные, грудь не замечена). «Старшая! У меня есть старшая сестра», – прошептала Ольга, когда закрыла дверь, и сама себе не поверила.

Катька опоздала. Позвонила, когда уже гроб вынесли, попросила подождать. Пока ждали, выяснилось, что в автобусе мест нет – пришлось ехать на машине. Егор за рулем, рядом Ольга, а сзади – Катька и Ксения (ее Ольга сама позвала). Были и другие машины – поехали колонной, но из-за ухабов и непогоды строй сломался, и на очередном перекрестке Егор потерял из виду автобус.

Всю дорогу Ольга чувствовала затылком, что старшая рядом. Они виделись не в первый раз, но и не часто, а вот так втроем, почти без свидетелей, впервые. Почему-то вспомнился старый сериал «Зачарованные». Там три сестры обретали колдовскую силу после смерти то ли тетки, то ли матери и только после того, как собрались все вместе. Вот и они так: умер, правда, дядя, зато все три тут. Младшая – Катька, старшая – Ксения, а Ольга – средняя. Средняя! Это слово не выходило из головы.

Когда автобус скрылся за поворотом, а их машина застряла на светофоре, Ксения начала при-

поминать дорогу к участку: вроде бы у самого поля, в конце, рядом с прабабкой. Катька сияла на весь салон волосами цвета мечты Ассоли, безостановочно строчила в телефоне. Ольга сидела в пол-оборота, кивала, разглядывала сестру. Старшую.

Додумались позвонить отцу. Ксения предложила, Ольга позвонила. Пока пытались вызвать у грустного и как-то потяжелевшего за последние несколько дней отца, куда ехать, у Катки заиграл телефон. И понеслось: с очередным бойфрендом она ругалась в голос, не стесняясь, забыв обо всем. Первым сдался Егор: после нескольких попыток разобрать, что объясняет Ольга, он остановил машину и развернулся к Кате. Та поймала взгляд, рывкнула в трубку: «Не звони мне больше!» – и уже тише: «Извините». Егор также молча (и откуда терпение у человека) развернулся, завел машину, точнее попытался – не получилось. Раз, другой – машина только злобно отфыркивалась.

– Что-то случилось? – Ксения повернулась к Кате, улыбнулась.

– Да, парень бывший... к черту... – махнула рукой.

Ольга за скрежетанием двигателя почти не слышала разговора. Да и какая разница, о чем они говорили? Главное – говорили. Вот оно: беседа старшей и младшей! А она теперь может и в стороне постоять. Сердце билось часто, Ольга почти подпрыгивала на сиденье, хотелось танцевать. Она посмотрела в окно: до горизонта лежало поле желтой травы, прибитой ночным морозом, с неба падали редкие снежинки. Красиво, если не знать, что за спиной, по ту сторону дороги, покосившиеся кресты и сверкающие полировкой мраморные глыбы. А все-таки красиво. Ольга представила, какие лица будут у сестер, если она выйдет и станцует на фоне будущего кладбища. Она подавила усмешку.

– Так, похоже, приехали. – Егор виновато развел руками.

– Ничего, – Ксения нагнулась вперед, похлопала легонько Егора по плечу, – ничего, тут должно быть недалеко. Прогуляемся? – Это уже сестрам.

Катя молча вышла, за ней Ксения. Ольга теперь уже не скрывала улыбки. И как она раньше не понимала: их всегда было трое.

– Лель, я машину не хочу тут бросать. – Егор вечно переживал за старенький «форд». – Сходишь без меня?

Обычно Ольга недовольно поджимала губы, когда супруг отказывался принимать участие

Жизнь не сериал, но чем-то киношным повеяло сразу. Они оказались в старой части кладбища: то тут, то там надписи с ятями, памятники в виде маленьких часовен соседствовали с ржавыми металлическими крестами и обелисками с красной звездой. Буйная, почти сумасшедшая по силе неадекватности, радость в Ольге поутихла.

в семейных сходках, но в этот раз облегченно вздохнула. Им надо остаться втроем: что-то должно произойти. Нет, конечно, она понимала, что жизнь не сериал и не стать им воительницами с демонами, но отчаянно хотелось перемен, а тут такой знак. Ольга верила в знаки.

Жизнь не сериал, но чем-то киношным повеяло сразу. Они оказались в старой части кладбища: то тут, то там надписи с ятями, памятники в виде маленьких часовен соседствовали с ржавыми металлическими крестами и обелисками с красной звездой. Буйная, почти сумасшедшая по силе неадекватности, радость в Ольге поутихла. Она медленно шла по мягкой земле за Ксенией. Сзади чертыхалась Катька: семисантиметровые каблучки то и дело проваливались по самую пятку. Ксения вслух вспоминала, куда идти:

- Там ива должна быть у самой дороги. От нее недалеко.
- А мы не могли по асфальту пойти? – Катька остановилась и попыталась очистить каблук.
- А ты не могла одеться нормально? – Тишина и предвкушение внутри уступили место привычному раздражению. – Волосы еще эти! Ты же на похороны приехала!

– А ты хотела, чтобы я ходила только в сером, с хвостом и в одних и тех же кроссах круглый год? – Катя выразительно посмотрела на сестру и поковыляла дальше за Ксенией.

– Здесь быстрее, – донесся до Ольги ее спокойный голос, – немного осталось. Видишь дерево? Скоро найдем автобус.

Но дерево оказалось не то. Ива тянула ветви к земле, а рядом вместо дороги была могила с внушительным надгробием.

– Так, понятно, я пошла. – Катя развернулась и уткнулась в Ольгу.

– Куда?

– В машину, Оль. Я не буду бродить по кладбищу. Уже и так, как свиньи, извозились!

Ольга набрала воздуха, чтобы выпалить в младшую все, что думает об этом, но увидела Ксению. Та спокойно смотрела куда-то вверх. Ольга выдохнула и молча пропустила Катьку. Зазвонил телефон.

– Да, пап. Нет, мы заблудились, кажется. И машина сломалась. Хорошо. – Ольга положила трубку и подошла к Ксении. – Похоже, мы не успеем на погребение. Отец позвонит, когда церемония закончится. Если машина не заведется, попробуют нас найти.

– Тогда и нам нужно возвращаться. – Ксения вздохнула, но вместо того чтобы пойти за Катькой, развернулась к могиле под ивой.

Ольга подошла к старшей сестре.

– Глупо как-то получилось с дядей. Даже не простились толком. – Ольга смахнула с рукава снежинки, зябко передернула плечами.

Старшая молча глядела на могилу под ивой, не замечала, как волосы ее седеют от снега. Средняя уже решила посмотреть, что так увлекло сестру, когда та заговорила:

– Всегда мне казалось, что эти имена и снимки на надгробиях такой же тлен, как и кости. Здесь нет этих женщин... – Ксения кивнула в сторону надгробия. – Лишь пустые звуки и горстка пыли. Знаешь, мне хочется оставить после себя что-то более осязаемое, чем имя, фотография и кости. И чтобы близкие хранили память обо мне в сердце, а не ездили на кладбище перед Пасхой, как на работу.

Последние слова старшая договорила, глядя средней в глаза. Черты ее вдруг как-то заострились, потеряли привычную мягкость, но через секунду Ксения улыбнулась:

– Извини, кладбище всегда настраивает меня на философский лад. Пойдем?

– Да-а, иду... – Ольга растеряно обернулась к надгробию, пытаясь понять монолог сестры.

С черно-белых, бледных от времени фотографий в вечность смотрели три женщины. «Карбышевы Вера Петровна, Анастасия Петровна, Наталья Петровна. Вместе при жизни, вместе и в посмертии». Надпись на шершавом камне читалась плохо, но Ольге удалось разобрать. «Сестры, что ли? – Ольга присмотрелась к фотографиям. – Нет, точно – три сестры».

Ксению она догнала у машины. Оказалась, Егор уже нашел помощь: дедок на «Ниве» согласился отбуксировать «форд» к кладбищенским воротам. Дальше их подхватил кто-то из родственников. Ольга даже не обратила внимание кто. Всю дорогу до кафе в голове ее вертелась фраза с надгробия: «Вместе при жизни, вместе и в посмертии». И слова Ксении. А что она, Ольга, оставит после себя? Катьку? А потом и она умрет, и их вот также вместе, в одной могиле? И напишут примерно так: «Тут лежит та, что испила жизнь до дна, и та, что ей помогала». Ну уж нет!

Егор уговорил водителя довезти машину до СТО и в кафе не пошел. Ольга же, пока разносили кутью, пили не чокаясь, вспоминали дядино детство, юность и последние дни, думала о том, как мало знает о родственниках. И о том, что, будь она Пайпер, средней сестрой из того самого сериала про ведьм, послала бы к черту своих неугомонных сестричек и зажила бы спокойной отдельной жизнью. Родила бы Егору сына, о котором он так мечтает.

Егор! Вот с кем ей хотелось сейчас быть. А дядю она сохранит в сердце – точно, как Ксения говорила. Эх, хотела бы Ольга так же свободно говорить о своих убеждениях! Но рано еще – свободу нужно добывать понемногу. Для начала можно уйти с поминок раньше, чем положено племяннице.

Короткий разговор с родителями: отец покраснелся от водки, повеселел от воспоминаний, мать держит его за руку – они справятся, а Ольге нужно к Егору. Кивок Ксении, которая села в другом конце стола: та улыбнулась, кивнула в ответ, будто соглашаясь с выбором Ольги. Виноватая улыбка Катьке, и быстро мимо, а то прицепится хвостом. И вот наконец Ольга села в автобус.

Вечером лежали с Егором в обнимку в кровати. Ольга рассказывала о Ксении и могиле трех сестер.

– Я тут подумала, что я не старшая и не средняя, я – своя собственная.

– И что ты будешь с этим делать?

Ольгу раздражала манера Егора подталкивать ее от общих рассуждений к решению. Он не давал насладиться красотой осознания, переводил силу эмоций в силу действия. Раздражала и восхищала одновременно.

– Ну...

Зазвонил телефон. Катька без предисловий выпалила в трубку:

– Все! Забрала вещи от этого придурка. Можно я поживу у вас месяц, как в прошлый раз?

– В прошлый раз месяц растянулся на полгода. – Ольга чувствовала, как поднимается привычное раздражение. Она крепко сжала руку мужа.

– Ой, ну не начинай, Оль! В этот раз точно только месяц. Ну, пожалуйста! Ну, не к родителям же мне ехать? Опять с отцом будем ругаться целыми днями. Старшие всегда помогают младшим! Оль, ну, чего молчишь?

– Старшая у нас Ксения. Позвони ей, если хочешь. Кать, извини, поздно уже. – Ольга положила трубку, выключила звук и теснее прижалась к Егору.

А утром привычно набрала мамин номер. Но после первого же гудка сбросила. Открыла ноутбук, задумалась на секунду, а потом вбила в поисковик «танцевальная студия танго» и «центр репродукции» – в соседней вкладке.

